

Сборник стихов

П.Н. Триодина

РомГуриздан
2009 г.

Собрано и записано
Софиею Александровной
Ромейко-Гурко.

Зоркий! Безнечно страдая, взял
на это волнощестие любви — и
утешася! Твой единственный друг Пур

11. xi. 1924.

Масійолиу членому книжинику
В. А. Ковалеву.

Я - не подз. Я - просто жицель,
И на парнасе не бывал,
И в скромную мою обиель
Ни разу муж не приглашал.
Вся жизнь моя - сплошная проза.
Мне чудные страсти юных лет,
Любовь и ревность, смех и слёзы,
И всё, гем неив большой поэт.
И все же, как это на дико,
Я, скромный писарь „о! соки“,
Во славу Зоры, Оли, Лики
Нередко сочинял стихи:
То подзравление в день рожденъ,
То просто о себе рассказ,-
Стихи без капли вдохновенья,
Без подзительских прикрас,
Без чувств возвышенных и страстных,
Без неизных поэтичных слов,
Без дев, как ангели, прекрасных,
И без Аркадских наставников,

Без непременной „звонкой лиры“
И без возвышенных шей...
Я скромно повесёлую миръ
О прозе в жизни у людей:
О днъх рожденъ, и менинах,
О мелких жизненных делах,
О свадьбах, сплетнях, о крестинах
И о жраўве во всех видах.
Всегда гнушиаютъ поэты
Столь низменных, низложных Гем...
Но и поэзия ли это?
Не знаю! Вам виднее всем.
„Пока не требует поэта
К священнейшему жерту Аполлон,
В заботах суетного света
„Он малодушно погружен...“
Я в эти погруженъ заботы
Всегда, без них не помню сид!
У Аполона нет охоты
К священной жертве звѣзда Менъ,
И только в этом и пригода,
Что я доселе не досёдиг

Ни поэтического чина,
Ни напечатания книг.
Моих творений неё в погаи,
И вряд ли можно ожидать,
Что "генералы" в Госиздате
Реша́тся всё это издать!

И вот, свояченица Зофа
Безвесной занялась Трудом:
Собрав разрозненные строфы,
Она списала их в альбом.
Как тот монах Трудолюбивый,
О ком Пушкин говорит,
Она рукопю терпеливой
Их привела в приличный вид,
И все, что я писал от скучи,
Передает на суд науки,
На строгий и серьёзный суд.
Какой неблагодарный труд!
"Издатель" стихов готово
Завтра ^{всё} пускай в ход
И Владиславу Ковалеву
Судьбу стихов передади.

А я, как крошка на тарелке,
Сопровождаю не хочу!
Введут меня в литературу,
Я на Пегасе полечу,
Достигну погодей и славы,
Поскольку у меня есть блаж
У Ковалева Владислава,—
Чему я очень, очень рад!

Ширинская
1. VIII. 1949,
г. Москва.

Прозаическая поэзия

на низменные и другие темы.

Сборник творений

Н. Н. Триодина

изданный Зофининым попечением

в 1949 году

в г. Москве.

Письмо к своей жене

Распрекрасная Зориша !
Челый день укоры слыша
Цуткой совести моей,
Уступить решил я ей :
Взял оголивую бумагу
И полетевший карандаш,
И речи, что пропали
И на Тульский адрес Ваш
Согнуло письмо в полтуда
С целой кучей новостей.
Согнатъ ли же отъ худо :
"Утомился "отъ зоёй .
Но надеюсь, что для Зори,
Для прекраснейшей из дев
Сами будут лягаться спирюли
Сам польётся гусей напев .

~ - ~

Москва, 4-1-1924.

Т
Ну и так : две старых тётки
Всё сматывали с ума .
Потому - в письме прогрёте ,
Анна пишет Вам сама .
Бредят обе баритоном ,
Что Сливинский - фанат .
Мы их любим , а и то как
Невтерплю все эти дни !
Совершенно покидают !
Но Сливинского между тем
Нес здрав , смычок штота ,
Как лиса на виноград !
Ну , а Оль - та гордея
Сорок дней не сер , не пур ,
Чтобы Шурку Пирогова
Красной своей покинуть .

Даже скорбная Ирина,
Погонившись вершини "ё",
Позабыла кур и сена
Поросенка и Труса.
Так мой гений и искусство
Матральных темпов
Взбудораживало чистоту
И болтунят эхами кровь.

"Князь" мой, как разбежался, отсюда
Переедет в Петроград.
Я ешё могу покуда,
Но гордусь в чину и рад.
Если выйдет это дело,
А повидимому да"
Значит слова "дома"
И в другие города.

II
Я, по милости Господней,
Славу праздную свою.
Водку пил вчера, сегодня,
Да и завтра, верно, пью.
Пью в театре, пью и дома,
Пью на службе, пью в гостях,
Пью в кафе, пью у знакомых
И во всех иных местах.
Вот вчера: помешал генерально
Детей в кинотеатре по делам
Что там было - неизвестно....
Как донауз - не знаю сам...

III
Детки наши, слова Гогу,
Благодаря и тихи,
Хулиганят понемногу,
Декламируют стихи.

К нам в окончик ночью тайно
Влез с мешкоми дед Мороз
И присёк посуды гайкой,
И птичу, и парота.
В упоительном вине
Этот вечер просули.
Дели ели, пили, пели
Даже Ёжик приезжал!
В этот вечер вышла вьюга,
Здоровенный был мороз
Злобно ладил с супругой,
Дядя Вася деток нёс
Через снежные пучины
На занесенный трамвай.
Гедов в нашу палестину
Больше ходь не приглашай!
Ты представь себе картику:
Дядя Вася, весь в снегу
Машут своего детину

И кричат им: „да не лоу!“
Метя лужка подгоняет,
Опоздать боев домой...
Вьюга злобно завывает....
Холд... пропуск... часовой...

IV

Даня с Маней - совершенство!
Пара - право хоть куда!
На хапиловке блазенство
Возарилась на снега.
Под виноградом шубой
Даня сопли подобрал,
то дубина был дубиной,
А всперъ - Амурок стал!
Ходит верно при машечке,
Шуба - минимум енот;
Для солидности под машкой
Как министр, портфель несет.

Но, конечно, в том портфель
Нет ни акций, ни банкнот:
Даны бедно зрии доселе.
Бог даст лучше заужеёт!
Маню ^{постоле} мине в Езратек отправил
Подкорчихтесь, отдохните:
Сам на станцию доставил,
Сам отправил в дальний путь.

Г

Был студент один в Смоленске
И с тоскою наблюдал,
Как Андрей под шум ёжинским
Извесел и исходил:
Стал зелёный, пречный, дикий,
Розгающимший из земли...
Так погод талант великий
Под Верушикой туда!

VI

Из Смоленска за веру

Днуж Анют судьба в наш дом:
Аню ^{постоле} панику спасала,
Аню панику потеша.
Я убийт ^{постоле} Оле-горде.
Мы не знали, как нам быть.
Эти две противных руки
Я не в силах подсобить!

Всобще, генийке Аниче -
Это вине сии мои!
Напомни, как тараканы,
Что ни день, то больше их:
Ани Геда, наше Ани,
Да еще приезжих две!
Луче стало нам в Кармане
Но тягущее в голове!

Слава Богу, что на свете
В утешение нам нашлись

5.

Не одни только Нинеты,
Но и пара добротх Лиз!
Обе Лизы похожи ими,
Доброта им в прок идёт.
Наша Лиза в самом деле
Страна, точно бегемот!

Все Вам ^{VII} все гуашь
Печур Всеволожск везущий
Г.П.У и Канделаки
Ч. Бергмана Вам поклоняю
Всего Падишаха Всё Всё Чире
Поклоняю много раз
Поздравляю сади великий
С первою новушкой из-за Всех

VIII

Теперь Бергман раньше срока
Под Родионовскую ногу
Стала лежать засфако

И к утру родила дочь.
После погружного магнита
Дорогу пёртвой родиле,
Массу крови потеряли
И евва не померла.

Соня Фельдман от гаточки
Собираясь помирать.
Раскучдахтались все тётки
Как бы тут не прозетарь:
Ведь на следста будеш много
И посуда, и трапезы...
Все в душе помили Бога:
Что получше, то - мое!"
"Ух она просилась с
домом
Завещала баратин
Сосуды ржавчи и знакомы
А гаточки то... прощай!

И тебе досталась шуба
Эх, Зофия! Не весёл!
Вновь наследство пачкает губы,
Только в рот не попадёт!

IX
Что в Белёве? Что в Калуге?
Как живёте вы сейчас?
Будем поговорить друг о друге,
И писать, хоть в лесу раз.
У меня здесь больше нету
Интересных новостей.
Написав чудную эту,
Буду ждать от вас вестей.
Написавши девять глав,
От напёрши погиблю!
Состоюсь жив и здорав,
И тоге где Вам скажу.

Знаю, что ты, злодей,
Что в аварии уеди
Всех да он буди
С "шансами" из за тебя

Мадрида ко дню Аннене 11/II 1924. с
присовокуплением фракции друзей в злой разлуке!!

Не могу я жить тут доль
Без моей, без белой Оли!
Оли! ты моя любовь моя!
Без тебя засохну я!
Ведь сегодня именинное
Белокудрой Коломбины,
А у единого Тиерро
От юстики есё гнутро.
Наскочил он к ней в разлуке
И помягчил он от скучки.
Пусть ему под 40 лет —
В ней одновд и красив и сим.
Тускло мы стары, пурпур мафины,
Пусть заборами задекти,
Все же досадожно о них
И у нас, и у меня!

И огонь не погасяко вьет,
Что ни день, то факел новой
Загорается в груди...
О, приди ко мне, приди!
А размужка должно масло,
Чтобы плакать не погасло:
Что ни дальше сожну в ней,
Мо плачю все сильней!
И дарю с любовью пылкой
Оле запах сей в бутылке.
Оли! Нюхай эту вонь
И поддергиваай огонь,
Что в грудях рвах пылает!
Лишь один ветвящий знает,
Как я измучу поскорей
Видеть свечи своих очей!

В сей флаконе дух приятный
Зажимут прозкой аккуратной,
Но сквозь пробку и пускерь
Он спешит вонь и вишнь!
Всё что есть в флаконе и рядом
Маняет сладким ядом
Этот нечестив аромат.
(Если ~~ты~~ речко это - я).
На флаконе пробка - это
есть застенчивость нюхи;

Запах - то любовь моя;
А флакончик - это я!
Если с пробку всунуть к гербу,
И брызги другого сорта
Нам сказят написан!!

Ох! Я с усами пропал!
О! Прайди! Прайди! Прайди!!

Москва

Экспромт по поводу потешек у кузине
Брудней на подоконке.

О Дорогая Елизавета, я у тебя погреку спёр,
Но ты прошти меня за это,
Хотя я украл, но я не вор.
Я деньги взял для тойной девы,
Принесшей Урии с молоком.
Во тьме туманной скрошись все бы,
Я спорогуши один весь дом.... *)

Когда пришла, изрекла: „гости бывъ дважды”,
Я понял, что пришли беда.
Одна золотая естю в колыбеле
Всей всё: и счастье и горе,
Были в Москву и все разоды
И болезни в сердце дикие неф!

*) восстановлено по памяти, что-то пропущено.

И я дернула: рукой дрожащей
Я в гимодии к тебе проник,
Из сумки тихо в нее лежащей.
Всёли пару рублей — Моя трехвесенка.

Я деньги отдала, что просила,
Четвере лиры молодого,
Она в кастрюлю перевела
Ее не дрожащая рука

Она ушла ... сундук на стуле,
Молчалось тоеко, дерзкий вор,
А перед лицом сидит кастрюлька
И в ней мой укус, мой позор !!

О, Лиза - ангел ! Умоляю ли тебя

О, свергнад, прощи ! И ...
Обдражевко в кастрюльке дождь мой позор
Прокипятели.

Г.Димитров
1937г.

К дню рождения врача-хирурга Земенского,
составившего по работе на Канале Моск.-Волг.

Вснай, о музъ сей чудесный
И светлый день! Вснай, поэтъ
Мою, кто прочитъ спавно честно
На светѣ сорок девятъ летъ.

Сей мудрый мужъ с душою дерской,
Сей поглощавшіи чешинъ тво
Нашъ спавновъ вокругъ Земенского
Содѣи беды добрыхъ дн.

Радоръ трудной и кровавой
Онъ тяжкий хребтъ сей изогвъ,
Покровъ честномокной спавной
Сей и насъ и весь "Водздревъ".

Лихий же "х", музъ и мадсессъ!
Погубивши спавного врача,

И нож его ожилио остройю,
И длань, разнушио с пыла.

Приими гвани, чаштесь орудий,
Домыше сердцеи молодой;
И от Татьяны злорукудой,
И от Степаны седой.

Приими гвани от нас смиривших,
Чьи оги зрят Твои труды
И операціи вдохновленных
Кроваво-сладкие пиоды!

Мы нож - орудие пиоды
В благоденіе превращим.
Искусно тяжкими Влады,
Мы смертью от иноих отречим.

Однако же, за четверть века,
Мы никогда не мог стерпеть,

Что в целом виде чистое
Но койке у себя иметь.

И, если только понадобится
Не повреждённый экземпляр,
Всё сей час где разгораюсь
Активно-резистивный здр.

“От каждого - хоть поклону!”.

“Маков был лозунг у тех.
Молч, мединъ, стоя на ногу,
Попутно греш продалъ.

Молч - кишку, молч - саркому
Иному ёбэр штуки три ...
Мех все органы знакомы
Любой на вспеску дри.

Когда-т сшуютъ с большую куку
Всё, что там срезан с разных мест,

То высшиа бы гора покруге,
Чем пресловутый Эверест.

Воистину величественне
Днина отрезанных киселей !
Несметные тонны поражающи
Из грёз, как мы изъвилён !

Они пьесы не усмиряшаю !

Мрудись, где видю ! Весьма велика
И ~~старая~~^{старая} всемирно потешна
И произвождящая труды !

Да, поработали мы не мало
На Волге, в Корчеве, у нас...

Погибли же, друзья, бокалы
И выпивши в этой славной зас

Пока хирурги изображающие
Наше чрево все не захопят,
Пока грудь не покоряющей
Революцию изорвут сей доктор!

Хирургами всем - ура и счастье!
Кто усе смея - , кричи: "Ура"!
Пред нашим Барышеем, право,
Как погорел проиграв супер.

Избранное

1. Денисов

16.

Письмо в Погодин

Дорогая учёна-няня!
Спросишь ты меня: „Доколе
я портить её мотылек,
Буду так от вас далек?“

Сознаюсь, что надо, несно
Задевать вас, — так, ведь, близко
городок ваш от Москвы!
И сердитася вправе вы:
Я как сухий сен и стерва,
Наш расстроившего героя
Каючися сен и каудися сен,
Словно бобе бросил вас!

Но, ли бору, дорогая,
Что мне делать, — сань не знаю!

Всей душой и рад бы сам
 На денек заехать к вам,
 Но беда, что планы эти
 Дорогого мужика Петра,
 Возникавшие в мигах,
 Растягивались в пух и прах!
 С прытию, чисто комсомольской
 Нашего города Петровска,
 Я уехал, я ад, не ад,
 А я пошел под Стамбул!
 В день отъезда, спускаться
 Прискакал к нам Тарасик,
 Ну, и если бы оно,
 То кемаде бы я до дня
 Чину сдергнул и срадил!

Тонко дожинами сбрасывали
 Я успел доспеть дичь,
 И продукты, и все,
 Всю же мне она ссыпалась,
 Проводимая до бокса ее,
 Побуду был позор ром
 И болезней и холода.
 Но и с ней все-все
 Мы на позор подоспели!
 На перрон бегу... Меня
 Где вагон мой? Все равно!
 Лишь бы севр, куда попало!
 Но... Старовки не добрали...
 Я покуда: прыг да скок,
 Народ даёт свисток.
 Опознали! Вот беда-то

Но с решимостью солдата,
На подножку быстро скок!
И повис... В руках мячик...
Не беда, мол, коль немножко
Прокатусь и на подножке,
Ну, а там открою зверь...
Ну, так знаешь, верь, не верь,
Но знал бы то я "немножко",
А проглядел на подножке
Ровным стечом два часа!
Виждий скачет: "Удася!"
Ведь бывает же на свете:
При плащкарте и билете
(Месбо мячок имен!)
Два часа я так висел!
Я суткали, кригали, ругали,-
Проводник не отозвался.
Я замёрз: ведь был мороз.
Все мои сигналы SOS
Оставались без отвёга.

Наконец, я пробил свёза
Вычу в танкодре, внутри...
Я кричу: "Дай, отвори!"
У меня плащкарта взята
"Месбо сер в вагоне пегом!"
Лежит твёрдо он:
"Ты сужишь не в гори вагон!"
"Здесь месбо плащкартия несу!"
"Знали мы чудовища эту!"
"Много залечь ездят так,"
"Месь пускар - я не дурак!"
"Наш вагон - номер девятый!"
И ушёл. Но горя проклятый!
Вспомни до Романского бая
Прогнес я, как дурак,
Мёрзкий, злющий и сонливый.
Но настал мой миг счастливый:
Серебряка! Ему сид...
Жуть зритой и злы, какdee
Лежу в мягких "номер пять" -

Так тақой же горт прокиевай!
Вознеленівши мой діваи
Быи чуде другом сдан,
Разумелесіз, по бараду!
Тут присущлось приступ к шару!
І тиличено привеи
И состави протокол...
Горт их знаєт, как решбудет,
Может быть, кого засудят,
І верней всего, замкнут,
Ноголу,- Зачем им суд?
"Заработаній" логів великий!
Так, дойдя ноги до драки,
И, устроивши скандал,
І діваи отбоевад.
Лег и думаш: шадаш!
Околеет Нечо, ван!
О негавна картина!
Невмочини... Сульвидини...

Койка... Клизмы.. Доктора...
Так я думаш до утра.
Ну, а за ноги (слова болу,
Ми не близкая дорога),
Откроется, откроется !!
И совсем в обе присяд.
Всемъ дней, а я, как птица!
Нет ни кашля, ни одышки
Ни озноба, ни герпа!
"Невмочини" изучита!
Прикосновение номер первый
Потрепано щавлько первое,
И о чём на этот раз
Прекращаю я рассказ.

— . —
Пробуди так лило ногиу,
К утру приходи я в ту рону,
Че мы следовали спирі,
Что таңе работі естes.

Крупный узел, эшелон...
Паровозы и вагоны...
Не вокзал, а Вавилон...
И пароду миллион...
День мелькнул, как миг, в работе.
Ночь пришла. Трудился в поje,
Но в Чыганском, не просям;
Но в Егору Тоскои,, густой;
Что в эти ложке и в чаше
Мы откуда не употребим,
А совсем наоборот,
Таки - да! Подперз народ!
Мы смотрели эшелоны.
На путь свой вагоны
без конца и без числа -
Ахи Тоско меня взяли!
Тыма вокруг свой такая,
Чо дорогу плюх энди,
Бродишь, ходишь, как склоной!
От работы от Такой

Обандан из огни скоро.
Осмотрели... Ахы, споры,
Разговоры, разговоры...
Просто пузает голова!
Прикосновение номер два
И случилось этой ночью
На такой "усталой" ноге.
Осмотревши эшелон,
Я всрнулся на перрон
(Высокий он близко к неру)
И шагал навстречу ветру,
И смотрел во все глаза,
Хоть не видно ни аза.
Скользко. Вьюге. Тыма, Верила
Снегом крепко в морду било.
Шел я прося наугад,
Но герев своих ребят.
Как случилось - сам не знаю,
Видно, что я близко к краю,

А ноги скользнули вдруг,
Я на рельсы боком-буж!
Буж-адуд! Больно очень!
А по рельсам, между прочим,
На лени идёт состав!
Эх все так чумы суслав
На ноге, что просто ужас!
Через снегу, весь настужас,
Поднималось на снегу,
А подниматься не могу!
И ничего расшиб, и ногу.
Поднял крик. Да скава бужу,
Подожми на крик бойчу
Отвёл лени в сторонку,
И сквозь эхе пах в дырочку
Задним ходом-эшелон!
Но замя лени бы спасен!

Путят ухе, брат, не
подножка!
Опоздай бойчу немножко,-
Бывай ове мне без головы,
И вдовой стали гвые,
И сироткой начь синуля,
И говядиной - напуля!
Но, однако, в этой раз
Спас лени мой зыгый бас!
Я дни три не знал песен,
Не погло, не дружек
Совершенно не владел,
А на шее - масса дел.
Хочь, не хочь, работай надо!
Вот, когда брана десада!
Но однако, кое-как
Остро гул каудий шаг,
Каган позовать поплыну,
А желтую дорогу

Совершенно разные,
И, когда б хватило сил,
То, в конец на них озлобясь,
Перешел док на "тюбус"
И ходил ове, как "Молчаний",
Печный, с налоговой просьбой!

— . —

Приключение третьей номер:
Спутник мой в вагоне номер, Ну, пока! Вам всем
Неведомо, откуда:
Был сосед — и не твой его!

Несмотря на приключение,
Я исполнил поручение
Ме, которые имел,
Сделан ряд не лёгких дел
И берущих, хоть разрывы,
Чрезвычай, черной и неоружий,
Но здоровой и живой

В уголок сердца свой.

Вызовут в спору неё,
Что пишу так мало
писем.
Мы от много го зависим:
От начальства, от бумаг,
От судебных дел и долгов,
Но надежды не теряю,

Что к тебе на замку гло"
Все же високу на дверь.
Но, когда? Уже и ах!
Я не знаю! Ну, да ради!
И одино" и досадно!
Тут письму в сроках кончи!
Ваш супруг, попов отец.

Н.

Ко дню отъезда Фокреи Татьяна и ее Kaffes

Ivii 47.

(с приветствием Гарри и др. друзей
пакетик).

(1ая ворона.)

И так, мы едем на Kaffes,
последний раз, и долг и муки...
Как будто, здесь в Москве у нас
могут пребывать много хуже...

Мы будем спасать ищаков,
если захотите и гурахи,
мы — греческий народ, а вы — ищаков:
Ухом — и гадом — на вехи.

(2ая ворона)

Что могут нам на свете краше,
Чем нервная любовь маковин?
От древности до наших дней

Всё в мире зачадстя на нас !
Но к сожалению не редки
Совсем беспутственные девушки
Они не губернаторы „дамы“;
Любят кок на голове бешим.

И материной любви сущее
Не придают таких созданий,
Но бродят как-бы наплевавши
На неучено подицурно матю !

Ман бори, в тои покладки нас,
И здес мэр начиншего :

Стрелитесь на гидропии Кахкас,
Не забывай в разлуке нас !
Нет выше твои любви на свете,

Чем таа, что здесь лежит в пакете!

Пакет на виду, первый сорт:

Компоты, шоколад и торты.

О, доля моя! Сладки не милости,
Когда тебе такое смысль?

Мамаша знает, где найти
До сердца двери пути!

Они идут, (как это зрущко!)
По территории згрудка

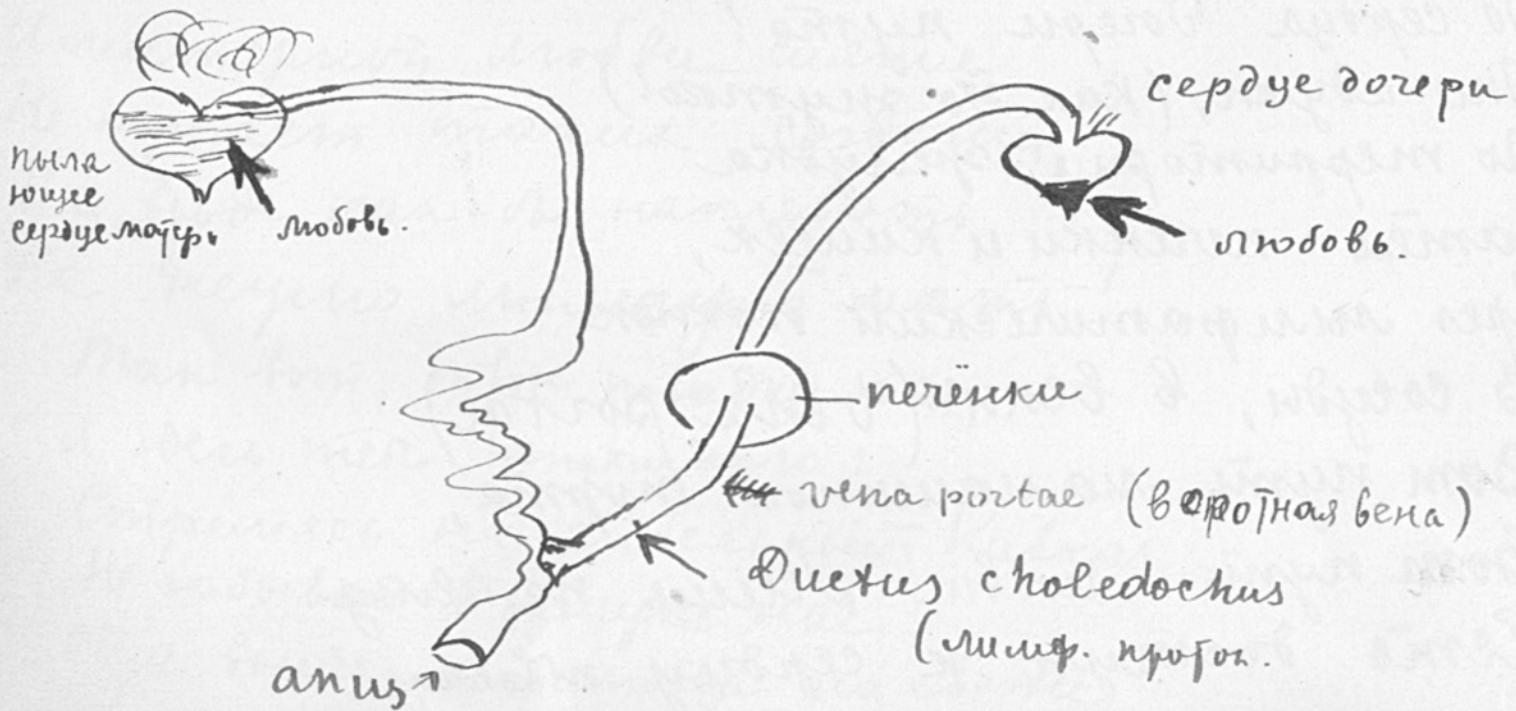
Затем печенки и кашек,
Чрез мифратический поток

В сосуды, в вены (*vena portae*)

Вот путь мамашиного торта,

Вот путь любви! Лишь по нему
Есть доступ к сердцу плюшу!

О, сколь дитіль сце презенно,
Коль в мені любовь ідеї по венам!
Здесь сей склонущий конек....
Чистала мати писал отечу.

-28-

Зофе 20.IV-48г.

Очень я сожалею
И даже краснуш от конфузов,
Что не могу быть на юбилее,
Поскольку болит нуро.

Вчера же у меня своя генка
Начинаюсь всякой всячиной,
Наружу свою душу
И буду страдать за это.

Такие лучше ли поздравить замуж
С 51^м днем рождения,
Да и замечь в постельку срочно
Во избежание искушения?

-29-

Я дни приятной беседы
О дне рождения Василий
Командирую тебе к Вам полпреда:
Свят-Никитка с макушкой!

Н Н

19 30 48.

Прическа ода Зоре

Тока не требует поэта
К священной жертве Аполлону,
В лекарства, в грелки и в дизы
Он макодумно погружен...

Передает боль поэту нуза,
И тело бренное скорбит....

Но вот беззламность муз
Его в постели передает:

„Поэт! Превозмоги природу,

„Отбрось лекарства и кефир!

„Слагай торжественную оду

„На цветочный и маковый пар!

„Задыхись гордым вдохом величия

„И чудроство Зоры воспевай:

„Простынь роскошный торт с вареньем,

„Пирог с капустой, сахар, чай,

" И все дары кулинарии,
" И винегрет — бенеу всех блюд,—
" И все, что в день святой Афии
" Гости и изнуренные дают!"

И, ныне вспомяя наученого,
Несчастный, страшущий певец
Криктий в порыве вдохновения,
И мыслит: скоро ли конец?
И всё ли полностью воспето,
Что воспевать он принужден?
(Поскольку требует поэта
К священной зерните Аполлон).
Поэтому одному так худо,

Ему совсем не до стихов!
Но Музе совершила чудо,
Больной, он к подвигу готов!
Пускай язва кое-даже-кощунка!
Но ~~и~~ поэт! Noblesse oblige!
И вот, погиб на море тонущий
Чревоугодие Зорин,
И Вер, Мадейр, Мадейр и пропах,
Кто в этот день из года в год
С утра до самой поздней ночи
Ест пироги и кофей пьёт!
Тою всё то, чего нельзя мне

Ни с'естъ, ни выпить на зву....
Но, Боже! Я, ведь, не из камня
И я не одни живу,
И я пытаюсь не искусством,
И от стыда не буду свет!
Я с'ел бы пирожка с капустой,
Что на столе у вас стоит;
Не проль бы с'естъ кусочек торта,
И кофейку залейутъ стакан,
Конфетку дорогою сортъ,
Попробовать пасхудан....
Но, проль мёдъ! Пусть и бывает гений!
Я отвергал виноградный мир!

Мои тиры есть *ulcus duodeni*,
Постель и грека и кефир!

А "тир" пирог есть... Сердце съели
Хруст за ущами над страной!
Поверь, о мудрая Зорфиша:
Лечу и исхорчу сиюной!

И этого нельзя исправить!

Вы вините все, а я один.

Но все же позвольте Вам поздравить
Со днём всяких членов!

Граф Н.Н

Катюке - Катюшке^{*)}
Зелёной Лягушке!!!

Вступление.

Это может быть грустнейшая картина,
Когда страдающий поэт
На день святой Екатерины
Не приглашен на приемы,
И даже двери бояки звенят!

Ну что же? Рожденью приглашены —
На него — нету и суда!
Зато не будешь мне в погребах
Роджено в стихах Вам поздравление
В стихах неловких никуда!

— . —

^{*)}Солидная особа, подруга героя грустит в день приемов

В замечании этого подражателя
Напишу о своих различиях.

1.

По учению Вейсмана Моргана
Большой твари подобием органов
для питания, дыхания и прогресса,
так сказать, их процессе работы.
Но помимо рабочих тех органов,
по учению Вейсмана - Моргана,
есть у твари особые "гены"
Эти "гены" всегда независимы.
И они сохраняют у тварей свой вид.

В коли их оти начаше господь сътворих.
На пример : , хоти свинью нуюшевѣт и векс,
А не смогущи никак превращајуши въ бека,
Будешъ верно свинѣй, неизжено,
Потому, что въ миѣ свинески гены.

Но такої распорядок сейрае ожелѣн
И Мигурин придумаш осовѣй закон :
Была неш, значитъ погено больше о
" , тихъ шторитъ "

И Мигурин речше : Была неш, буду сан
Перевивавши тѣвари шторитъ гудеса !

Ну, и видел ты горы: из карбоника - маас,
Из рапаки - десертный айва - виноград
Из краюни - особенный сорт конопли,
Сибирь: сплошь переделал все дружки земли!

Под Москвой - арбуз,
В Краснодаре - айва,
В Кара-Кумах сплошными коврами трава!
Лионок вырос под Минском,
Под Киевом - рис!

Можко сказать чистили,
Сибирь, да забудь!

Как-же сделалось это? И в чем тут секрет?²
В том, что "лионок" в природе изванился!

Ж

Все эти чудеса - чудеса
Я в обычии вранья сейчас не буду,
И опишу Вам прости так
Зоологическое чудо.

Лягушка некогда жила
В лесах Смоленских, на болоте.
Она нормальная, бывало,
Таких Вы тысячами найдёте:
С утра ловила лягушку,
Насевшись, лесом сидя под кусту.
И в воду пряталась в зару,
Что хоронилась под кустогами.

40

И долю та^к она жила,
но вон однажды спозоранку
К боярству девчихе приведе
И посадила ее в банку.

Всего лучшех на брашесь
В той банке сидя, или боле,

С теж пор ии больше не пришлось
Скакать и лошак ех на воле!
Их скоро привезли в Москву,
И прямо к университету....

То страшный сон был нальу,
Которого страшней и нету!

Ух разодели по рукам
Из зоологии студенты,
Одних расположили там,
С другими или эксперименты.
Что, что им не пришлось
Здесь испытать от генотека!

— — —
Одной лягушке подбесю:
Её сунули в библиотеку,
И там, как будто, позабыли,
Оставив в бакале проштраной
Среди стафиловой книжной пыли

Она думала сидеть. Желая
И постепенно привыкала.

В один прекрасный день было
Из бани в уол чекакало.

Прошло еще недолгий срок,
И, присмотревшись ближе к деву,
Она на стул незадом-скок!
И с этих пор тело и душа.

И к ней привыкли день за днем
Бодишотечные старушки.

Привыкли: стул сходит, на него
— бодишотечные лягушки!

Продолжит год, пройдет еще ...

Мягушка в книжной одеялке

Читая чудные сюжеты

И гипнотизируя все читатели,

Теряет прелестный одеялко свой

И превращается постепенно

Из розовой принцессы ленок

В спящую красавицу погружен.

Здесь Вейсман даёт беспорядочную:

Вот так за шкафом новой год,

Возник Мигуринский мир

Без всяких "штук" в фольклорах.

Еще вчера чирюд лежал
О мужиках, лошках и лисичках.
Сегодня он ужнее спас:
Пьёт водку, ест пирог с начинкой.
Он научился говорить
И читать гипнотици словами...
И даже может когда пить
Совсем, как люди, вместе с Вами!
Уже он не Квакалий, как предки,
На столе на мужике не скажнёт,
И в воду лазит очень редко,
Икру не лежит у досок.
Всё это сделалось не вдруг:

Процесс был долгий и упорный
Сперва училась от подруг
Всё преодолевая удобной,
Умная ванну, свет и газ,
Мемро, трачтвай и телефоне,
Часы скрипятъ :.. который час?"
И прочих нудосней мелочей.
Киванием моей
Иориц так хорошо освещена
Что все лучше сидят уланы,
Покращуй, вѣбо, ши вѣбо!

46

Мы вон и бе! Диво это чудо!
Я опишу на этом языке
"Зоологическое чудо",
А Вам укажу мой путь.

Неслучаившийся гедеон
науки Чарльз Н.
Морица 24/XI - 7/XII 1948г.

Внукке, ко днию роуденія 19/II 1948г.

Чирикают не краине птички

И кот лягкает у входа:

"Сегодня детокке Наташкке

"Исполнилось четыре года"!

Пищут Матрёшке не крохотке:

"И я Наташу поздравляю,

"А, если торт погрыз сиадки,

"Мо давай мне кусочек к чаю"!

Но Мишь она за торт взялась,

Как запищали Наташи Валы:

"Я поздравляю с днем рождения

"И мне давай мне улюлько"!

Наташа угостила кукол,
Дала конфетку попугаю.
Вдруг кто-то громко в дверь постучал
И гости входят, просят чай!
Пришла к Наташе баба Оля,
Пришел к Наташе деда Беня.
Все поздравляют и спрашивают
Новеллиста в один русский.
И деда Петя лёг в кроватку
Лечит и пишет: „Я скучаю!
У вас есть торты с творогом сладким
А у меня стаканчик чая

Бес тормоза, да же без керосина,
Но я Наташу поздравил
С Четвертой Юлии в буденне

Примечание: Наташа, всхлипывая срывающим
сказала с грустной речью:
"Мне ужасно груду немножко."

На военные темы (1941-1945.)

I. О врагах народа.

(из полевой газеты).

Говорили вши и гниды,
Злобно лапками грозят: Здесь для нас чрезмерно чисто,
..Ох, уж эти сан-эпиды! Поползём к друзьям-французам!
Столько нам о них обиды,
Что и выразить нельзя!
И в лесу, и на полянке,
и в ложинках, и в кустах
Понастроили землянки
Нам на чистоту и на страх!
Мы к невзгодам очень стойки,
Мы готовы всё снести,
Но землянки-вошебойки -
С ними нам не по пути!
Все враги здесь пыщут злобой,
Нету нам о них речи!
Уползают нам надо, чтобы
Не погибла вся семья!

Здесь и бани, и бегё...
Там - лара, а не эпиды!
Вошебок огень мало,
Жизнь роскошна и простира:
Там кусай хорь генерала
За интимные места!
Нет дезкамер, душа, баня,
Нет белья и мыла "К"!
Поползём без колебаний!
Время - демчи! Цель близка!

Пусть ползут враги народа
На врагов родной земли!
Одобряем чисто похода!
Вши своих друзей наши!

Что фашисъ, гдѣ вонь, что гнида,—
Геситъ, пожалуй, всеми одна!

Им не только сан-эндлы
Будут вредъ „чинить обиды“:
Их судьба предрешена!

Вонь у нас в конец добија,
И в порядке днѣстоим
Смерть другого паразита,
Смерть фашисъского бандија!
Он пока чуо не добиј!

Январь 1943. Калининский фронт.

II. Поэма о глупом Фрице.

Разделавшись с Европою,
Рек Гитлер: „Prachtvoll! Schluss!
Вот также быстро слопаю
Советский и Союз!

В 17 дней мы с Польшию
Покончили совсем!
В 3 месяца, не больше, я
Союз Советский съем!
Успехов беспримерных я
В кратчайший срок достиг.
К успеху средство верное —
Стремительный Blitz-Krieg!

На восток пошли союзны
Полны пушек и солдат.
Фюрер ждет воинской славы,
Фрица ждут себе наград...
„Хах! Форвертс! Сияют лица
Ганса, Фрица и других!
Вот и русская граница.
Нагинается Blitz-Krieg...
Танк идет с громким гулом,
А за ним — в азарте Фриц!
Я вождаю с гордым дулом
Хоть кого повержет ниц!

Внезапность нападения,
Моментальная война,
Вся техника — в движение,—
Программа так ясна!
Пускай перед нашей силой
Трепещет большевик!
Его я не помилую!
И так, начнем Blitz-Krieg!

Фриц — Геббельс, как в мифе древнем,
Подводителем идет,
Грабит, жжет в любой деревне,
И опять идет вперед,
Дым пожаров, кровь и сюни
Остаются позади.
Нас, арийцев, миллионы!
Фриц! Смелей вперед иди!
город новый взят с налета,
Отшатнулись большевики...
Только Фриц не хочет съе-ю
Снова лежать на их штыки...

Фриц идёт, но без охоты:
Всё трудней вперед идти...
Кто-то вдруг из пуземера
Обстрелял его в путь;
На ногахе, утром рано
В хату спящих близи-солдат
Набросали партизаны
Чуть не дюжину гранат!..
Фриц остался цел, но в страхе
Он забыл о близи-войне
И удрал в одной рубашке,
Разбросав штаны в огне...
Фриц смушен... Вадь это что же?
Бандитизм, а не война!
Люди спят, а их, о Боже,
Быть гранатой из окна!
Дальше - больше: на дороге
Полк обстрелян из кустов.
Француз фриц - давай ноги,
А сосед - капут, готов!
Тут такое дело было,-
Чепрчайто вспоминаю!

- 53 -

С фрица скоро пыл посыпало,
Стало скучно воевать...
Ни минуты нет покоя,
Днем и ночью гуашь Тревог,
Днем стрельба, а ночью - бдение
Фриц душирю изнемог.
До Москвы еще далеко,
Нечувствительно, как дойдешь..
А война весьма жестока,
Акусаёт фрица вонь...
Русс по-варварски воюет:
То внезапно самолёт
На походе их штурмует,
То в лесу ночной налёт.
Лето, видно, на исходе... *
Дождь и слякоть, всюду грязь...
Птичело сей час в походе!
Близи-война не удалясь!
Ветер злеет. Гуашь наизнанку,
Белый иней утром лежит...
А Москва никогда не ближе,
А у фрица нет сапог...

Нет перчаток, нет шинели,
На мундире ряд заплат...
Так прожигаешь еще недели,-
Не воротишься назад!
Хитрый русс,увидь это,
На пути дома погиб...
Где же спать? Сей час не лежь!
Фриц вздрогнув на землю лег,
Но какой же сон возможен,
Если холод - минус пять!
Фриц морально уничтожен!
Фриц не хочет воевать!
Холод ломит ноги, спину,
Холод щиплет уши, нос,-
Разрушает дисциплину
Большевистской армии.
С ногами барабанную сводку
Фриц услышал раз с утра.
"Хах!" орал он во всю глотку,
(Хах - французское "ура")
"Русских армий больше нету!
"Путь к Москве освобожден!"

"Всюду свергнуты Советы!
"Взято пленных миллион!
"Сорок девять тысяч взято
"Русских танков под Москвой!
"Много пушек, автомашин.
"Русс бежит! Окончен бой!
"Фриц, смелей! Перед тобою
"Путь прямой к Москве открыт!
"Спасет нам Москва без боя,
"Враг разгромлен и бежит!"
Хах! Вперед! Но что за чудо?
Что за странные дела?
Вдруг неведомо, откуда,
Группа танков подошла...
танки "пленные", как будь,
с пляздами, с грехотой идут,
Фриц бежит, глаза зажмурят,
Ой, раздавят! Ой, убьют!
Пять минут - немного срока,
Но за эти пять минут
Сяди, сгорди и сбоку
Смерть лежала... Смерть! Какой!
"Пленный" танк, за него пехота,
И тыих наперевес,

Шквал огня из пулеметов...
Фриц удрали и скрылся в лес.
В страхе лязгает зубами,
Вспоминает свободу он.
Пускай! Раз фюгер сналм,
Знаю! я не поденду!

Постепенно, отовсюду
Собиралась роя в лес,
Обсушивая фрица "тибо",
Как убитый русс "воскрес".
Но пожара обсушивали,
Лес распыпался стрельбой,
Из лесной суровой дымы
Шквал прохлал огневой,
И от всей арийской роя
Уцелел один лишь фриц.
Эх ты, дурень! Для чего бы
Удалиться от границ?
Двор парней краснощеких
Фрица бавного ведут.
После всех боев гибелистоких
Здесь придет глыб капут!..

Он бредёт в великом страхе,
Уши мерзнут, плачет нос,
По спине и под рубахой
Дрожь проходит и мороз.

- - -

В чаще леса - ряд землянок,
Партизанский "главный штаб".
Жизнь кипит тут спозаранок.
Здесь музык и "русски баб",
И у каждого есть дело,
Полон рот у всех забот:
Тот вернулся, эго спело
На разведку в ноги изгей...
"Руски баб" готовят кашу,-
Ужин сырный для бойцов:
Возвращаешься скоро наше
Из лесов, со всех концов.
Всё пришли и парни с фрицами.
Смотрят лишь на него,
Но по их суровым лицам
Не узнаешь никого.

Партизаны! Schrecklich! Ужас!
Вот где смерть, конец концов!
"Русски бад" несет, наутомив,
Ведра с кашей для бойцов.
"Дай и немцу! Вини, проклятый,
Яже от страха посинел", —
Молвил эхол бородатый.
И за стол с боем ами сел.
Смотрит Фриц: эхиву не худо!
горы хлеба на столах.
Тут опять случилось чудо,
Фриц забыл мороз и страх:
"Руски бад" с лицом сердитым
Ложку сунула ему:
"Лопай, не хрись недобий!"
Я не хошь, — отнись!"
Перед Фрицем — каша с салом,
Перед Фрицем — хлеб горой...
Ажно экарко Фрицу стало,
Так нахрался наци герой!
Покормивши, — сразу в башню.
От экарки герой остался,

Разогрел до основания.
Повели к допросу в штаб.
Смотрят Фриц, как осовелый,
Огнеша в башне туман...
Всёл допрос весьма умный
И серьезный капитан.
Слово за слово, без крика
Допросил героя он
Фриц, глупел со страху дико,
Был взъяренован, поражен,
Но ответил без обмана.
Всё, о чём был разговор.
Как столяр? У капитана
Был такой серьезный взгляд!
Допросили, записали
И в землянку отвели...
Снился Фрицу каша в сале,
Что на уши принесли.
Вонь не ест... тепло и гихо...
Фриц хранил, как паровоз.
Позади остались гихо,
И грёбоги, и мороз.

На другое утро Фрица
На машине повезли.
Перед ним Москва, столица
„Завоеванной” земли.
Смотрит влево он и вправо,—
Всюду русский Gott Soldat,
Вид подтыкающий и бравый,
Звезды красные горят.
Танки, пушки, минометы
Всех калибров и видов.
В небе решёт самолёты,
Весь народ к бою готов.
Бедный Фриц сидит в машине
И не может он помянуть,
Каким фюрер там, в Берлине
Может так бесстыдно враг!
Нагернелся Фриц наш жутко!
Учега едва-едва
На воинственном маршруте
В чудесный берлин-Москва.
Gott sei dank (мол., слава Богу)
Это закончил я войну

Не убитым на дороге,
Я живехоньку — в плечу!
Нет! Война надоедает,
Мне довольно, я уж си!
Кусёв сам фюрер побеждает
Кусёв в снегу он ползёт!
Я же просто, без прикрасы
Крикнув рад во все концы:
„К горту вас, и вашу „расу”,
„Вы — бандиты, пиделицы!”
„Вы обманули нас загнали
„На мороз и на убой,
„Вы повсюду насаждали
Душегубство и разбой!”
„Деньги, деньги отовсюду
„К вам в карманы по текли...
„Вы — прохладные иуды,
„Вы — позор для всей земли!”
„Я — один из миллионов,
„Что поддались на обман...
„Море крови, вопли, стонья—
„Все для вас, всё в ваш карман!”

Но теперь я понял ясно,
Что безумна война
Всем страшна, и всем ужасна,
Только вам она нущна!
Близок грозный час расплаты,
Близок день, когда народ
Вас, презренных и проклятых
К злафоту приведет!
«В силе - правда», вы кричали,
«Кто силен, тот господин!»
Побеждали вы в начале
Но конец вам всем один:
Несмогли на вашу силу,
Вам, могу сказать вперед,
Кол основой в могилу
Человечество забьют!
И тогда землю воспреди
Люди радостно вздохнут,
Снова жизнь прекрасной станет,
Снова нивы зацветут.

Мы забудем все, что было,
Как кошмарный, страшный сон
Установим: «В правде - сила!»
Вот наш жизненный закон!

Февраль 1943г.

III. Речь 1 января 1944г.

(На новогоднем вечере в штабе
Моск. Военного округа)

Принимая во внимание,
Что войне уже Третий год,
Что фашисты германцы
быстро к гибели идет,
Что у немцев кушарь несет,
Что «эрзац» марий брезе
Что птичка чеговечего
Не найдешь у них пидор,

Что спор призы авиации
Спасть Берлину не даю,
А у нас, у "низшей нации"
Что ни делай, то и сажают;
Принимал во внимание
Что для нас на Третий год
Стало близко до Германии,
И войска идут вперёд,
Что над Толстой Фрица штурмом
Занесен советской меч,
Сбива варварства с кульгуром,
Вот о чём сегодня речь),
Что маршируй, в штабах памятный,
В 30 дней Берлин-Москва
Фриц избийши, изувечивши,
Не прошел ни в год, ни в два,
Что Москва сейчас "за дальностью"
Недоступна, как редут,
Но бесспорно стал реальностью
Красной Армии маршрут,

Тот маршируй возмездье грозного,
где карнаты-лица Гражданки
Для прыжка молниеносного
Через Прагу на Берлин;
Принимал во внимание,
Что и Курск, и Сталинград
Всё были накренко в сознание
Всех фашистских близи-солдат,
Что "в кошках" не раз проворченный
Сверх-арист, бравый фриц
В страхе луны, как ошпаренный
В быстром темпе до границ,
Что причины их движенья
Из Приволги до Днестра
Суть: маневр на окружение
И советское "ура",
Что отход свой стратегический
Совершил до границ,
Внаг в период элегической
Беспроницаемо-наглый фриц;

Что французские элегии
И "отход" в кратчайший срок,
Это Стадионской стратегии
Непосредственный итог;

Принимая во внимание,
Что, в итоге всех побед
Мы сильны, и что в Германии
Никаких резервов нет,
Что в лице и за Карпатами
Близу - война сейчас идет
С недурными результатами,
Но ... совсем наоборот!

Фронт идет на запад, в сторону
Коренных немецких мест,
И к концу готовясь скопому,
Фриц свершает "драп нах Вест".
Гений Сталкера, умноженный
На геройство всей страны,

Неуклонно, как положено,
Нас ведет к концу войны!
Я французская Герmania,
Волком вою в этом год,
И у фюрера с компанней
"Ось" трещит, ентинает ход.

— — —
Принимая во внимание
Всё, что выше я сказал,
Верю я без колебаний,
Что французский
кончен дар!

Про подыгрь.

Ехала Тетка Акулина.
К сыну в колхоз на заседание.
Ехала, хвастала соседям:
Завтра, мол, пьяные приедут!
Нынче во всем у них удача,
Стал их колхоз куда богаче!
Там трудодни распределены,
Хлеба полтуда на дечи дали,
На по восемь рублей деньги дали!
Сын погуллер пытался с паками!

Ох, помните ли, Акулина,
Ты так надеешься на сына!
Слух то о нем идет нелестный:
Подыгрь в колхозе он извесеный!
Сыншико, живет он без заботы,
Первым бежит домой с работы!
Ты расспроси в любой бригаде:
Он на работе вечно сзади!
В поле бригада все трудится,
Подыгрь под кусочком ложится!

Подыгрю праздник тек и в будни:
Дрыхнешь с утра и до поздней!

Едем, да едем Акулина,
Вдруг на дороге види сынка!
"Здравствуйте, милая мамаша!"
"Как драгоценнейшее ваше?"
"Здравствуй, возлюбленное чадо!"
"Очень тебе я видеть рада!"
"Малко чего же ты не весел?
Что ты головушку повесил?"
— Плохо, мамаша, наше дело!
"Жить мне в колхозе надоело!"
"Не дали хлеба мне ни крошки,
Не дали денег и картошки!"
"Нет, говорят, у нас излишок!"
"Нет Трудодней на вашей книжке!"
"Нынче у нас на это суррогат!"
"Скалерть вам от нас дорога!"
"Вот и иду я к вам обратно:
Очень без хлеба неприятно!"

Птиц не сжрела Акулина,
Крепко разгневалась на сына!
"Дура я, чёль, тебе даласти,
В дом браё тякто лобо́рьса!"
"Нет! Не звалася я позора!
Любить в колхозе хуже вора!
С любовем шиц мне неприятне,
Доброе имя мне дороже!
Тут по делам тебе и мука,
Будеё вперед тебе наука!"
Больше на сына не взглянула,
В гневе обратно првернула...

Правильно, ётка Акулина!
Первое дело - дисциплина!

1940.
Димитров.

Оле!!! 9/VII 1948г.

Проект годов, бегут года,
Взгиваясь в череду столетий,
А Оле дружно, как всегда,
Живёт с любимым мужем Пеёй.
Да! 30 лет - немалый срок!
С годами Пеёй изменился:
из Пеёй сырьеся песок,
И пыл любовный испарился,
и Пеёй стал давно "стар.пер.",
А Оле, волю природы
Являющей свежести пример
И в 54 года!
Стаиня, сройна, как кипарис,
Лежа, как бабочки, как перс!
В ней воедино собрались
Черты Дианы и Венеры!

Пускай мной утрачен прежний поэт,
Но все же в экскадре вдохновенны
Как и всегда, по тече сил
Пишут стихи на день рождения!

Живи, люби и процветай
Огнедышащая погололея!
Года бегут, — не унывай!
Твой до гроба любий Пётр!
Пускай любовь моя — с песком,
Пускай в ней не огни и пыла,
Но в вихре, шуме городском
Не забывай, как я любила,
Не забывай весну, Тамбов,
Не забывай, что есть на свеёй
Один из лучших стариков,
Твой дорогой, любимый Пётр!

После ссоры
(Вопль вуши)

Красой Ты — богиня Венера,
Умом Ты — богиня Минерва!
Всего у тебя много в меру,
Но нравом Ты — суздал старва!

Наславление сыну 6/ii 1948.

Дорогая крошка!
В кухне за оконечком
Нашему сынуле
Суп сюж в кастрюле.

Тут же, на оконечке
Мери кило картошечки
В беленькой кастрюле —
Тоже для сынули!

Маслице к картошечке
В сундуке, на плошечке.
Хлебное для сынули —
На сковороду, в кастрюле.

Бесценно.